

Самид Агаев

Ночь Волка

Это ряд наблюдений. В углу — тепло.
Взгляд оставляет на вещи след.
Вода представляет собой стекло.
Человек страшней, чем его скелет.

И. Бродский.

Был весел день. Хосров в час утренней
МОЛИТВЫ
Поехал по местам, пригодным для ловитвы
Всем любовался он, стрелял зверей и вот
Селенье вдалеке веселое встает.

Низами.

Марат проснулся от головной боли. Перелез через девушку, завис на краю, нащупывая носком далекий пол, ступил и осторожно пошел, стараясь попадать в такт огненным толчкам в голове. На полу у низенького окна стоял охотничий рюкзак, в кармашке которого лежали таблетки. Ему не хватило двух шагов. Волна слабости затопила его и

распластала на полу, но, теряя сознание, он успел отметить благодатную прохладу крашенных досок. Беспмятство длилось несколько секунд. Марат осознал себя, испугался обмороку и ватной рукой стал нащупывать рюкзак. Таблетки нашлись быстро. Здесь же, на подоконнике стояла половинчатая выдохшаяся бутылка «Боржоми». Марат разжевал сразу две таблетки, запил с минеральной водой, оттер испарину с лица и остался сидеть на полу, переводя дух.

Темно, циферблат часов не разобрать и нельзя понять долго ли до рассвета. Сонную тишину в доме нарушало лишь сопение, посвист и прочие носовые звуки спящих. Его страдания никто не мог разделить. Марат разозлился и сказал вполголоса:

— Вот так помрешь, и ни одна сволочь не узнает.

Поскольку никто не ответил, он продолжил:

— А то воды, видите ли, некому будет подать перед смертью.

С кровати донесся жалобный голос Вероники:

— Узнает, Маратик, узнает. Я же не сплю. Дать тебе воды?

Марат злобно ответил:

— Спасибо, уже не надо.

За печкой, где спала еще одна пара, царило безмолвие.

— Иди, ложись, — позвала девушка.

Марат молчал.

Девушка продолжала уговаривать и он, наконец, сдался. Пошел, лег рядом. Вероника нашла его руки и спрятала у себя под грудью. Марат еще помаялся, но заснул, уткнувшись в ее затылок.

Утро началось с гитарных аккордов. Вероника еще спала. Стараясь не будить ее, Марат выполз из закутка завешенного тканью, сел на продавленный диванчик и стал одеваться, ежась от прохладной одежды. Натянув пятнистые спецназовские штаны, поднялся и выглянул в прихожую.

Шилов в трусах и майке сидел на табуретке лицом к дверному проему. Рядом на столе стояла початая бутылка водки, лафитник и тарелка с соленьями. Перебирая струны, Шилов пел:

— А ты вернулась с моря, я вчера видел
Словно прошлой жизни, посмотрел видик
Видик про разлуку, про твоё лето
Лето это маленькая жизнь.

Заметив Марата, Шилов оборвал песню и красноречивым жестом указал на водку. Но Марат покачал головой. Шилов развел руками, едва не уронив гитару. Затем налил себе, звякнув горлышком о рюмку, и опрокинул ее содержимое в

рот. Потянул носом, взял пальцами квашеную капусту и захрумкал ею.

Почувствовав неладное, в проеме появилась Галя. Поздоровалась с Маратом и возмущенно произнесла:

— Шилов хватит, хватит, я тебе говорю.

Шилов сделал невинное лицо, и сказал:

— Я не пью, я капусту ем.

— Не ври, ты не ешь, ты закусываешь.

— Скажите пожалуйста, — удивился Шилов, — какие тонкости, да ты Галя филолог. Нет, ты видел, Марат?

— Видел, — буркнул Марат.

Голова продолжала болеть. Он налил себе кипяченой воды из чайника, разжевал еще одну таблетку и, морщась, запил ее.

— Что голова болит? — участливо спросила Галя.

Марат страдальчески посмотрел на нее и сказал:

— Я же просил не закрывать так рано заслонку.

— Так я же проверила, синего пламени уже не было, только после этого закрыла, — стала оправдываться Галя.

— Дык, — передразнил Шилов, плеснул водки в лафитник и быстро выпил.

— Ты смотри, что делает паразит, — гневно

воскликнула Галя, — с утра нализался, и знаешь почему?

— Почему? — нехотя спросил Марат.

— Чтобы забор не делать. Два дня за ним хожу, а он не просыхает. Думала хоть в день отъезда сделает, куда там, — Галя в сердцах махнула рукой и скрылась на кухне.

Марат направился в сени.

— Смотри там поосторожнее, не отморозь чего-нибудь, — сказал ему в след Шилов.

— Что холодно? — спросил Марат.

— На лету замерзает.

Марат присвистнул и вышел из комнаты.

Деревня Зябликово находится в глухом лесу на Смоленщине, таком глухом, что осенью и весной проехать туда можно только на тракторе, и состоит из полутора десятков заброшенных и почерневших от времени домов. Зимой здесь никто не живет, летом наезжают любители ягод и грибов, которыми изобилуют здешние места, также летом здесь открывается дачный сезон. Родственники тех, кто когда-то поставил эти избы, приезжают сюда с детьми и живут здесь все лето. Но это только летом. Все остальное время года по деревне свободно бегают дикие звери. А ведь когда-то, по словам Гали уроженки этих мест, здесь были две школы и почта. Сама деревня стояла у небольшого пруда на

лесной проплешине, в шестнадцати километрах от асфальтовой дороги и ближайшего населенного пункта. Наши герои приехали сюда на охоту. По дороге подстрелили, попавшего в свет фар зайца, этим их охотничьи трофеи и ограничились. Два дня ходили по заснеженному лесу, проваливаясь по пояс, потея, несмотря на мороз и паля из четырех стволов в белый свет, как в копеечку. Возвращались взмокшие и усталые, ели заячье рагу, пили водку, и отдыхали.

Иначе говоря, вкушали все прелести национальной охоты.

Прежде чем вернуться в дом, Марат бросил взгляд на машину. Стекла белой «Нивы» изнутри заиндевели от мороза, и Марат подумал, что надо было вечером завести машину и прогреть двигатель. Стоит третий день. Он хотел подойти к ней, но потом передумал и вошел в дом.

Вместе с Маратом в комнату ворвалось облако морозного воздуха. В тепле Марат почувствовал, что у него щиплет подбородок и мочки ушей. Побагровевший от выпитой водки нос на мороз не реагировал.

— Холодно, однако, — сказал Марат, потирая подбородок.

— Может чаю налить? — отозвалась из кухни

Галя.

— Чай не водка, — подал голос Шилов, — много не выпьешь.

— Тебя никто не спрашивает, — огрызнулась

Галя.

— Какой чай? — не унимался Шилов. — Завтракать пора.

Марат заглянул за стенку, где была кухня. Галя, держа ухват, волокла из печи огромную чугунную сковороду.

— Картошки нажарила вам на завтрак, — пояснила она. — Марат, ты умыться, наверное, хочешь, проходи.

Марат прошел за печь к рукомоюнику, позвякал алюминиевым соском, поплескал себе в лицо водой.

— Вероника спит? — спросила Галя.

— Спит, — ответил Марат. Вытер лицо полотенцем и пошел в комнату собирать рюкзак.

Кроме жаренной с луком картошки, на завтрак Галя подала остатки заячьего рагу. Шилов принес и поставил на стол бутылку «Кубанской».

— Шилов, — возмущенно сказала Галя, но этим ограничилась. Шилов быстро открутил пробку, налил себе и вопросительно посмотрел на Марата. Тот покачал головой:

— Издеваешься, мне же ехать?

Шилов тяжело вздохнул, развел руками и красиво выпил: метко подцепил скользкий гриб, затем вонзил вилку в кусок жаркого и воскликнул:

— Марат, вот вы, как хотите, но этот заяц напоминает мне курицу, которую подарили Насреддину.

— Шилов, — улыбаясь, сказал Марат, — я никак не могу отметить ту грань, после которой ты переходишь на вы; кажется, это происходит после второго стакана.

— Обижаете, начальник, после третьего.

— Ага, Шилов, вот я и вывела тебя на чистую воду, — воскликнула Галя. — Значит, ты с утра уже три стакана выпил.

— Молчи, женщина! — грозно сказал Шилов и продолжил.

— Значит, приходит к Насреддину, человек и говорит: «Уважаемый ходжа! Давно и много слышан о твоей мудрости. Я из деревни «Сучье Вымя», прими от меня в дар, в знак признательности эту курицу...

— А Вероника спит? — перебивая Шилова, вновь спросила Галя.

— Спит, — ответил Марат, — она, если ее не будить может спать вечность. Просто Пушкин какой-то, я имею в виду спящую красавицу.

— Так надо же разбудить, пусть позавтракает, мы же поедем после завтрака.

— Не надо ее будить, пусть голодной едет, а может, оставим ее здесь, как медведя в берлоге. Дом будет охранять, а весной на вальдшнепа приедем и заберем.

Занавеска тут же отдернулась, словно стоящая за ней ожидала этих слов и в проеме показалась одетая и причесанная Вероника.

— Доброе утро, господа.

Марат кивнул. Галя сердечно ответила на приветствие. Шилов же подскочил к девушке, поцеловал ей руку и стал говорить ей длинный и запутанный комплимент, который начал словами: «Сударыня, вы прекрасны! Всякий раз, когда вы выходите из спальни, у меня останавливается дыхание от восторга, потому что ваша красота... — Шилов запнулся, сбился, стал бубнить, что-то про женщин вообще и закончил свое приветствие фразой, напоминающей выражение известного философа, — ... Две вещи, сударыня, вот уже второй день, наполняют меня восторгом — утренние сто грамм и ваше появление из спальни».

Вероника внимательно все выслушала, улыбнулась и отправилась умываться. Шилов сел за стол, налил себе водки, тяжело вздохнул, и спросил у Марата:

— Слушай, почему тебя так любят молодые девушки? — И не дожидаясь ответа, продолжил — ...его любили женщины, — врачи, домохозяйки и

даже одна женщина зубной техник.

Вместо Марата ответила Галя. Она сказала:

— Его любят за то, что он никогда не врет, в отличие от тебя; если обещает жениться, то женится, часто даже в ущерб своему имуществу, я бы даже сказала, слишком часто, а что касается тебя Шилов, ты кажется, сегодня дофилософствуешься с утра пораньше.

— Ты сушенная змея, — ответил Шилов.

— Это я уже слышала.

— Возможно, но я еще не говорил, что у тебя сегодня повышенная гадючость.

Галя безнадежно махнула рукой и, отвернувшись к окну, стала пить чай. Вернулась Вероника с покрасневшим носом села к столу и пожаловалась:

— Вода просто ледяная, два дня ей умываюсь, теперь кожа будет шелушиться, да еще некоторые не бреются второй день.

— Елки-палки — спохватился Шилов, — я же сегодня не брился.

Галя поднялась и налила девушке чай. Вероника поблагодарила и принялась намазывать хлеб маслом. Марат внимательно наблюдал за ней.

— Не смотри так на меня, а то я подавлюсь, — попросила Вероника.

Марат не ответил, встал, сделал несколько шагов и скрылся за занавеской.

— Ну что, собираться пора, — сказала Галя.

— Увы, — согласилась Вероника.

— Пойду бриться, — объявил Шилов.

— Смотри, не порежься, — предостерегла Галя, — глаза-то залил.

— Небольшое кровоупускание мужчине только на пользу — гордо сказал Шилов и ушел на кухню.

Из-за занавески появился Марат.

— Пошел машину заводить, — буркнул он.

— Ни пуха, — вслед сказала Вероника.

Марат, не ответив, вышел из комнаты.

— Обиделся, — констатировала Вероника и вздохнула.

Марат, прежде чем выйти во двор, зашел на кухню, чтобы прикурить от печки. Шилов, стоя возле умывальника, скоблил физиономию, напевая: «Вероника, Вероника, сладкая ты, как клубника».

— Попридержи язык, — посоветовал Марат.

— Ой, извините, — спохватился Шилов, — не корысти ради, а токмо ради рифмы.

Вероника доела бутерброд с маслом и приложила салфетку к губам:

— Спасибо.

— Что, это все? — возмутилась Галя, — ты давай кушай, для кого я столько картошки нажарила?

— Я, что должна за всеми доедать? — недоуменно спросила девушка.

— Нет, не доедать, а есть, это твоя доля осталась.

— Я столько не съем.

— Имей в виду, нам еще целый день ехать.

— А в дороге кормить никто не будет, — подал голос из кухни Шилов, — не спорь с филологом.

— Ну ладно, — сдалась Вероника и протянула тарелку.

— То-то же, — сказала Галя, и содержимое сковороды переместилось в тарелку.

— Вообще-то я собиралась похудеть, так сказать в погоне за зайцем; Марат взял меня на охоту вместо собаки, — Вероника вздохнула.

Появился гладко выбритый Шилов:

— Человек предполагает, а мороз располагает, — сказал он, — какие могут быть зайцы в такую морозную погоду; они все в берлогах спят.

— В берлогах спят медведи, — поправила его Галя, — а зайцы спят в норах.

— Ну, это, смотря, какие зайцы, иной заяц и в берлоге не уместится, — не сдавался Шилов. — Мы как-то раз на медведя пошли, берлогу окружили, а оттуда заяц, ка-ак выскочит, не заяц, а просто слон какой-то, напугал до смерти, гад. В берлоге мы потом медвежьи кости нашли. Вот какие зайцы бывают, медведей едят.

— Саша, хватит врать, — сказала Галя. —
Поди лучше, пока время есть, забор сделай.

— Галя, ну кому в этой глуши забор помешает, захотят залезть, никакой забор не остановит, — ответил Шилов.

— Ну, тогда Марату помоги.

Шилов тяжело вздохнул и сказал, обращаясь к Веронике:

— Ну не любит она меня, все норовит из дома выгнать, ну не любит, и ничего с этим поделать нельзя.

— Саша, — сказала Галя.

Уловив в ее голосе раздражение, Шилов тут же вышел в сени, снял с вешалки тулуп, нахлобучил шапку и отправился во двор.

— До чего же он мне надоел, за эти два дня, — в сердцах сказала Галя, — это надо же, специально не просыхал все время, чтобы забор не делать.

— Дался тебе этот забор. Действительно, зачем он здесь нужен.

— Забор мне не нужен, — упрямо сказала Галя, — но, дело принципа. Восемь лет человек мне голову морочит, жениться не хочет, в хозяйстве от него пользы никакой; только что радости — водки выпьет и на гитаре бренчит, а уж песенки эти его я слышать больше не могу.

— А ты брось его, — предложила Вероника.

— Как это брось? — опешила Галя.

— А так, сама же говоришь, что мужичонка он никчемный.

— Ну, не такой уж он и никчемный, — ответила Галя. Замечание девушки немного задело ее, и Галя едва удержалась от колкости, хотя глупо было обижаться. Оценка Шилова, прозвучавшая из уст Вероники, была спровоцирована ею самой. Галя решила впредь быть более сдержанной. Тем не менее, она сказала: — в тридцать пять лет, милая, мужиками не бросаются.

Вероника дотронулась до ее руки и виновато сказала:

— Прости, я не хотела тебя обидеть.

— Ерунда, — бодро ответила Галя, — было бы из-за чего обижаться. Ты поела? Давай уберемся по быстрому, а то Марат сейчас орать начнет, что не готовы.

Но Марат был далек от того, чтобы орать на них; вернее, он готов был орать, но не на них, и не по этому поводу. Когда Шилов вышел из калитки, он увидел ссутулившуюся фигуру товарища, который стоял возле открытого капота и с ненавистью смотрел на мотор.

— Не заводится? — спросил Шилов, трогая приятеля за рукав.

Марат молча покачал головой. Шилов обошел автомобиль с противоположной стороны заглянул в

моторный отсек.

— Может с буксира заведется? — деловито предложил он.

— А на буксир, кто нас возьмет? — спросил Марат.

— Об этом я не подумал, — сознался Шилов.

Марат витиевато выругался, залез в машину и повернул ключ зажигания. Стартер слабо затрещал, силясь привести в движение чугунный маховик мотора, но безрезультатно.

Марат ударил кулаком по «торпедо» и задумался; потом высунул голову и произнес, поеживаясь, — аккумулятор умер.

— Холодно блин, — сказал Шилов, и вдруг в ужасе воскликнул, показывая на бачок опрыскивателя, — смотри, водка замерзла, блин.

Марат вылез из-за руля, отгеснил Шилова. Водка, залитая накануне в бачок омывателя лобового стекла представляла собой ледяную жижу.

— Это сколько же сейчас градусов ниже нуля, — спросил Марат, — сорок?

— Это вряд ли, водка наверняка левая, дешевая, в ней тридцати градусов то не будет. Вообще-то у меня дома спиртометр есть.

— Может сбегает? — предложил Марат.

— Ха, — мрачно сказал Шилов.

Марат захлопнул капот и пошел к дому. Шилов проводил его взглядом, затем оглядел

окрестности и негромко произнес: «Погоды-то, какие дивные стоят».

Солнце, подернутое легкой белизной, заливало холодным светом безмолвные деревенские дома, покрытые толстенными, округлыми шапками снега, землю, надежно укрытую снегом, деревья, плотно укутанные снегом.

Стояла тишина, изредка нарушаемая треском веток, одолеваемых морозом.

— Красота-то, какая, — произнес Шилов, — хоть ложись, да помирай здесь. Холодно и тихо, — прямо как в морге. Просто ледниковый период какой-то.

Грусть, охватившая его после этих слов, потребовала движения, и Шилов сделал несколько шагов в сторону замерзшего пруда, проваливаясь в снег, и чем больше он отдалялся от дома, тем глубже проваливался. Когда погрузился по пояс, остановился в нерешительности. Задрал голову и увидел ворону, беззвучно летевшую куда-то по своим вороньим делам.

— Ну, надо же, — возмутился Шилов, — ни слова в простоте, только про морг сказал, тут же ворона прилетела, падаль клевать. Пошутить нельзя. Пошла прочь сволочь, — закричал он.

Испуганная ворона, каркнула и увеличила скорость.

— Жалко ружья с собой нет, — сказал ей вслед Шилов, — а то бы я тебе показал, блядь!

Проводил птицу взглядом, пока она не скрылась за верхушками деревьев, затем сплюнул, и заметил:

— Однако домой надо, пока яйца не отморозил, — он с усилием развернулся в снегу и пошел к дому.

Марат с хмурым выражением на лице пил чай. Вероника, сидя на убогом диванчике, листала «VOGUE», а Галя стояла, прислонившись к печной стене. Все трое смотрели на Шилова.

— Я ничего не сделал, — сказал Шилов, — что вы так смотрите на меня, я здесь не причем. Не смотрите так на меня, мой организм настолько проспиртован, что я могу заняться пламенем, как Меджнун.

И, обращаясь к Марату:

— А у тебя, начальник, почему лицо перекошено?

— Чай холодный, — ответил Марат.

— Вероника, в чем дело, — укоризненно сказал Шилов, — почему у кормильца чай холодный?

Вероника оторвалась от чтения и недоуменно пожала плечами.

— Печь остыла, — объяснила Галя, — я не

стала с утра топить. Мы же ехать хотели. Вот и вещи все собраны.

— Придется разобрать, — злобно сказал Марат.

Галя растерянно посмотрела на Шилова и спросила.

— Что совсем не заводится?

Шилов мотнул головой, отбрасывая чуб со лба, и пустился в пространные объяснения.

— Ну, как тебе сказать, Галя. Здесь мы имеем дело с тем случаем, при котором о женщинах говорят, мол, она немного беременна, что, безусловно, является полной нелепицей, — ибо женщина или беременна, или не беременна. Так же обстоят дела и с автомобилем; либо он заводится, либо нет. Бывают, конечно, исключения, в семье, как говорится, не без урода. Иногда заводится, но не едет, то есть ехать нельзя; но у нас не тот случай, не тот. Машина не заводится и все тут, то есть категорически.

— Когда-нибудь, Шилов, я тебя убью, — призналась Галя.

— Но я могу сходить за трактором, — предложил Шилов, — с буксира заведем и поедем.

— Куда сходить?

— В Калиновку.

— До Калиновки шестнадцать километров, — сказала Галя, — не дойдешь.

— Я не дойду? — возмутился Шилов, — Галя, я же ишо не старый, мне токо сорок три года.

— Саша, на улице мороз, — пояснила Галя, — ты замерзнешь. К тому же волки. Саньку Рыжего, родственника моего дальнего недавно волки на дерево загнали; восемь часов просидел, пока лесовоз случайно не проехал.

— Во-первых, я Санька Брюнет, — начал Шилов, — во-вторых, рыжий без ружья был, а я с ружьем пойду, в третьих, у нас выбора нет.

— Ты волка вблизи не видел, а увидишь, и ружье со страху бросишь, — сказала Галя.

— Вот спасибо тебе милая, — язвительно ответил Шилов, — я знал, что ты обо мне хорошего мнения.

— А отец мой, царство ему небесное, — как ни в чем не бывало, продолжала Галя, — шел, как-то себе не спеша, а собака впереди бежала...

— Какая собака? — перебила ее Вероника.

— ... Лайка, нечистая правда, помесь с дворнягой, метрах в десяти впереди была. Вдруг из кустов выскакивает на дорогу огромный волк, хватает собаку за хребет и обратно в кусты.

— Какие страсти ты Галя рассказываешь, — укоризненно сказала Вероника, — это называется «счастливого пути».

— Собачку жалко, — вздохнул Шилов, — прямо заплачу сейчас.

— Ну, что будем делать? — спросил Марат.

— Никто никуда не пойдет, — твердо сказала Галя, — шестнадцать километров по такому морозу — это смерть.

Марат стал одеваться.

— Пойду, аккумулятор сниму, — пояснил он, — может в тепле отойдет; он же нормально крутил, когда мы сюда приехали.

— Сколько ему надо времени, чтобы отойти? — спросила Вероника.

— Сутки, не меньше.

— Значит, мы сегодня не уедем.

— Вы поразительно догадливы, моя дорогая, — заметил Марат.

— А ведь мне завтра в институт. Начало лекции в девять тридцать. История философии.

— Не расстраивайся, мы с Шиловым тебе расскажем и про историю, и про философию. Да Шилов?

— Всенепременно, мадам, мы вам про все расскажем.

— Вообще-то я мадемуазель.

— Тем более.

— Может тебе за дровами сходить, а, товарищ философ? — предложила Галя. — Если мы остаемся, то надо печку топить.

— Вот так всегда, — пожаловался Марату Шилов, — только захочешь воспарить к высотам

человеческой мысли или опуститься в глубины мировой души, как тебя тут же окликают «товарищем» и предлагают сходить в лес за дровами. «Откуда дровишки, — из лесу вестимо, отец слышишь, ворует, а я увожу». Где там мои валенки?

Уходя, сказал:

— Вернусь, баню затоплю, помоемся в дорогу.

Шилов оделся и вслед за Маратом вышел из дома.

Их было видно в окно обоих, но один пошел налево на деревенскую улицу, где стоял автомобиль; второй — направо, к лесу.

— Что же мы будем делать? — тревожно спросила Вероника.

— Ничего, — ответила Галя, — снег пойдет скоро, значит мороз уймется, потеплеет, а там, глядишь, и машина заведется.

Первым вернулся Марат, с посиневшим от мороза носом. Прижимая к животу аккумулятор, он прошел на кухню, и положил его у подножия печки. После этого прижался к кирпичной стене, хранившей остатки тепла и замер, оглядывая угол против печи, служивший кухней. Сбоку отворилась дверь, выходящая к заднему двору, где находились

хлев, овин и дровяной сарайчик. Появилась Галя, неся два полена. С грохотом свалила у топки, взяла топорик и стала щепить лучину.

— Мороз, как ножом режет, — сказал Марат.

— Это точно, — весело согласилась Галя.

— А дрова, то есть еще? — спросил Марат.

— Есть.

— Что же ты, Александра в лес послала? — спросил Марат.

— А запас карман не тянет, — пусть проветрится, авось протрезвится.

— А где Вероника?

— Красится, — сказала Галя.

— Однако, — заметил Марат, — птичка божия не знает, ни заботы, ни труда...

Марат пошел в горницу, где за столом, строя гримасы зеркалу, сидела Вероника. Увидев Марата, она приветливо улыбнулась.

— Ты куда это собираешься? — спросил Марат.

— Никуда.

— А я подумал, что ты на свидание собираешься.

— Одно другого не исключает, — невозмутимо сказала Вероника, — я собираюсь на свидание, но мне никуда не надо, потому что мой любимый находится рядом.

— Хорошо сказано, — отметил Марат.

Отвел ладонью занавес и нырнул в спальенку. Не раздеваясь, лег на кровать, закрыл глаза. Через несколько минут кто-то вошел в спальню и стал рядом; Марат протянул руку и дотронулся до ноги, обтянутой в вельвет. Он подвинулся, и Вероника легла рядом.

— У меня рефлекс, — тихо сказала девушка, — я не могу видеть тебя лежащим, меня сразу же тянет принять горизонтальное положение.

— Ты говорила, что это бывает, когда я смотрю на тебя, — лениво ответил Марат.

— Когда ты смотришь на меня, мне хочется лечь и раздвинуть ноги, — уточнила девушка, — а так, мне просто хочется лечь рядом.

Мужчина не ответил, молча повернулся на бок, заставив Веронику проделать то же.

— Обними меня властной рукой, — попросила девушка.

Марат обнял ее левой рукой и невольно залез ей под рубашку, прижав ладонь к ее голому животу.

Через некоторое время Вероника сказала:

— Не могу, когда ты дышишь мне в затылок.

— Когда же вы накуритесь? — спросил Марат.

— Никогда, — вздрагивая всем телом, ответила девушка.

— Молчать, золотая рота — приказал Марат, но рука его уже начала движение, надавливая на

живот, к низу, к жестким волосам.

— Поцелуй меня — попросила Вероника.

— У тебя губы накрашены.

— А я вытру.

Марат стал расстегивать пуговицы ее вельветовых брюк.

— Только закрой мне рот, — попросила девушка, вздрагивая все сильнее, — я буду кричать, Галя услышит.

— Может лучше убить тебя?

— Да, убей меня.

Галины рассказы произвели на Шилова впечатление. Отправившись за дровами, он взял на всякий случай ружье. Александр повесил его за спину и если бы не санки, которые он тащил за собой, то его можно было принять за биатлониста. Ружье ружьем, но в лес Шилов углубляться не стал, побродил по предлесью, нашел сухую ель, достал топорик из-за пояса, начав с верхушки, стал обрубать ее, и укладывать дрова поперек санок. Вскоре ему стало жарко, он расстегнул тулуп, снял ружье, проверив предохранитель, прислонил его к ближайшему дереву. Начав с ленцой, Шилов вскоре вошел во вкус, стал рубить с оттяжкой, с уханьем. Несмотря на мороз, взмок; вогнал топор в корневище, выпрямился, вытер лицо и огляделся вокруг. В пылу рубки, он забыл про волков и теперь

особенно внимательно смотрел на все чернеющее на снегу. Поднял взгляд на небо. Солнце затянуло дымкой облаков, и начинал сыпаться мельчайший снежок, так сказать — пороша. Лишившись солнечного света, заснеженные деревья обрели некоторую грусть, но Шилову она не передалась, ибо движения было вдоволь. Кроме того Шилов сделал любопытный вывод, — никакая тоска не властна над человеком, находящимся в движении. «Видимо, — развивал свою мысль Шилов, — печаль обратно пропорциональна движению, ибо печаль рождает — мысль о смерти, а поскольку согласно Сократу, вечно лишь то, что находится в движении, значит, движение исключает смерть и соответственно печаль». Сформулировав сию мысль, Шилов почувствовал гордость за человечество — в своем лице. Лелея эту философскую формулу, закрепил дрова своим брючным ремнем, взял в руку ружье и потащил сани к дому, из трубы которого, пушась, валил дым. Сделав несколько шагов, остановился, ему вдруг почудился чей-то крик. Несколько минут он напряженно вслушивался, но звук не повторился и лесоруб вновь впрягся в санный поводок, сказав себе: «Но кобыла».

Возле самого дома, он увидел давешнюю ворону; во всяком случае, очень на нее похожую, птица сидела на проводах. Шилов, недолго думая,

вскинул ружье и пальнул по ней.

Марата разбудили гитарные аккорды. Открыл глаза, вспомнил про машину. С тягостным чувством сел на кровати, привел себя в порядок и вышел в горницу, где слышались тихие голоса и негромкое пение. В комнате было сумеречно, только на полу плясали отблески пламени, вырывавшиеся из-за неплотно прилегающей печной дверцы. Шилов сидел на табуретке у окна и напевал:

Думы потаенные, губы окаянные
Бестолковая любовь. Головка-да забубенная.
 Попрошу я голубя, попрошу я сизого
 Пошлю дролечке письмо, и мы начнем все

сызнава.

Дамы сидели на диванчике и молча слушали. Увидев Марата, воззрились на него, а Галя спросила:

— Как у тебя с головой, Марат?

Вопрос вызвал у Шилова смех, к нему присоединилась Вероника, но под мрачным взглядом Марата быстро утихла.

— Лучше, но ты я вижу, опять за свое взялась, печь топишь, — сурово сказал Марат.

— У нас другого выхода нет, — пояснила

Галя, — иначе мы замерзнем. Мы же остаемся.

— Тогда я сплю вот здесь, — сказал Марат, указывая на диванчик, — второй ночи возле печки я не выдержу, а здесь прохладней.

— А я? — спросила Вероника, — я где сплю?

— Вдвоем мы здесь не уместимся, — отрезал Марат.

— А любовь? — спросила Вероника.

— Сколько же можно?

— Я не в этом смысле, а в возвышенном, одухотворенном, — возмутилась Вероника.

Шилов возвысил голос и пропел:

Все вы губы помните

Все вы думы знаете

До чего же мое сердце.

Этим огорчаете.

— А почему свет не зажигаем? — спросил Марат.

— Света нет, — сказала Галя.

— Почему?

— Шилов провода перебил.

— Как перебил?

— Обыкновенно, из ружья. Хотел нам на ужин ворону подстрелить, и промазал, попал в провод и перебил его. Слышишь, ты, вредитель, — обращаясь к Шилову, спросила Галя, — объясни

нам, зачем ты это сделал?

— Понимаешь, Галя, — откладывая гитару в сторону, заговорил Шилов, — дед мой в этих местах партизанил. Во мне, наверное, гены его проснулись. Подумалось вдруг, что в деревне немцы, дай думаю я их обесточу.

— Татарская твоя морда, — в сердцах сказала Галя.

— Как это — татарская? — обиделся Шилов.

— Потому что ты — вылитый татарин, — настаивала Галя.

— Я русский, — твердо сказал Шилов.

— А кто твои родители? — ехидно спросила Вероника.

— Папа — еврей, мама — украинка, — честно ответил Шилов.

— А ты — русский?

— А я — русский!

— Это как же получилось?

— А так вот, разве вы не знаете, что если смешать красную и зеленую краски, то получится желтая. Ты и мы, русские люди, кто только не ходил в наших праотцах, и викинги, и монголо-татары, и немцы, а мы все равно русские; иной раз, смотришь, на митинге какой-нибудь мужичонка орет — долой, мол, инородцев, всю Россию продали, с нами не поделились, а сам-то говорит плохо, ну просто двух слов связать не

может. Вглядишься в него — волосы черные, глаза узкие, скулы широкие — вылитый басурманин. Так что, — главное, что у тебя в паспорте написано.

— Кстати, об ужине, — вспомнил Марат, — что у нас с ужином?

— А с ужином, дорогой Марат, — хором сказали Галя и Вероника, — у нас то же, что и со светом.

Шилов вскочил с табуретки и принялся нервно ходить по комнате, затем подошел к Марату и произнес:

— Увы, мой дорогой друг, плохи наши с вами дела. Мы мужчины, как более слабые существа умрем первыми от голодной смерти, а женщин, может быть, еще успеют спасти.

— Типун тебе на язык, — сказала Галя.

— Значит, у нас нет света, еды и автомобиля, — подытожил Марат.

— Если бы, — горестно откликнулся Шилов, — самое обидное, — это то, что у нас нет справедливости. Посудите сами: некоторые спят, невзирая на то, что им не предстоит дальняя дорога, ибо не на чем ехать. Другие идут в леса, на заготовку дров; возвращаясь, они совершают ошибку, опять же, движимые благородной целью, и что же мы видим? Те, кто спали без задних ног, ходят невиноватые, а на других — всех собак вешают. Все-таки прав был поэт: «Не выходи из

дома, не совершай ошибок».

— Может быть, его пристрелить? — предложил Марат, обращаясь к Гале.

— Ты, что, Марат, — воскликнула Галя, — а за дровами, кто будет ходить?

— Однако, перспектива у нас не самая радужная, — заметила Вероника, — а я то, как дура, утром картошкой давилась. Как бы она сейчас пригодилась.

Шилов простер к ней длань и сказал:

— Знаете ли вы, что это такое?

— Ну?

— Костлявая рука голода, — страшно сказал Шилов и завыл — у-у.

В следующее мгновение, словно вторя ему, до их слуха совершенно явственно донесся жуткий звериный вой.

— Господи, что это? — испуганно произнесла Вероника.

Галя обвела всех взглядом.

— А это, мои дорогие, те самые волки, почуяли, что мы в западне, гады!

— А я вот им сейчас покажу, кто в лесу хозяин, — озлобился Шилов, и, схватив ружье, выбежал во двор, где произвел два выстрела в воздух.

— Думаешь, напугал их? — спросила Галя, когда Шилов, ободренный собственной смелостью,

вернулся в дом.

— А то!

— Побереги патроны, дружище, — тоном заправского ковбоя, — сказал Марат, — они нам еще понадобятся. Пищу добывать или отстреливаться.

— Ну ладно, Шилов, лезь в подвал, — скомандовала Галя.

— А можно, я еще погуляю? — попросил Шилов.

Из-за Галиной спины донеслись странные звуки. Это Вероника давилась смехом.

— Я, Галя, сказал про то, что во мне проснулись гены партизана, а не карателя, — заметил Шилов, — я не собираюсь теперь жить в подвале всю оставшуюся жизнь.

Галя погладила Шилова по голове.

— Ну, что ты, Саша, в подвале картошку надо поискать.

— Я вчера все выгреб.

— Саша, полезай в подвал и ищи, иначе мы помрем с голоду.

— Галя, но там же темно, — жалобно сказал Шилов.

— А Марат тебе фонарик даст. Марат, дай ему свой красивый фонарик.

Марат достал из нагрудного кармана тонкий фонарь в виде авторучки и протянул Шилову.

— Эх ма, — сказал Шилов: взял в руки фонарик, откинул половичок, вытащил из пола три доски и со словами: «Считайте меня коммунистом» буквально провалился под землю.

— Там, по углам пошарь, — посоветовала Галя и пошла на кухню. В ответ Шилов замогильным голосом продекламировал: «Во глубине смоленских руд, храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье».

Марат сел на диванчик рядом с Вероникой. Она немедленно обхватила его шею и горячо зашептала в ухо: «Ты, что же, подлец такой, не хочешь спать со мной?»

— Увы, — ответил Марат.

— Я все равно приду к тебе ночью, — продолжала Вероника.

— Мы здесь вдвоем не поместимся, — пытался возражать Марат, — если только ты на меня ляжешь.

— Да, — согласилась Вероника, — но лучше ты на меня.

Вернулась Галя, неся толстый желтый огарок сечи:

— Насилу нашла. Марат, у тебя есть спички?

Из подпола вылез Шилов с тремя картофелинами разного калибра, отнес их на кухню и оттуда крикнул: «Пошел баню топить».

Баней служило небольшое деревянное, некрашеное, а потому почерневшее от времени строение, все больше и больше вставшее в землю. Маленькая узкая дверь, скорее напоминала садовую калитку, нежели вход в баню, к тому же неплотно закрывавшуюся, так сидя в предбаннике, куда человек попадал, согнувшись пополам, можно было видеть единственную деревенскую улицу, лежавшую выше уровня бани. Лязгая зубами от холода, Шилов мгновенно разделся и проник в парилку, куда вела дверь еще меньшего размера, чем входная, она напоминала амбразуру дота, следом за ним пробрался и Марат.

Баню топили по черному, поэтому изнутри она была еще чернее, чем снаружи. Сильно пахло дымом. Из крошечного оконца под потолком в парилку проникал тусклый свет.

— Это называется ты баню протопил, — сказал Марат, забравшись на полоч, — кажется, здесь холодней, чем на улице.

— Спешка до добра не доводит, — не оправдываясь, философски заметил Шилов, — но ничего, ща поддадим, будет нормально, возможно, что ты и с полки слезешь.

— Это вряд ли, — сказал Марат, — пока баня

не остынет, я отсюда никуда не тронусь. Мне торопиться некуда; башка болит, машина не заводится.

— И то, — согласился Шилов, — ах ты, блин, веники забыл замочить.

Сверкая ягодицами, он вылез в предбанник и вернулся с двумя высохшими вениками. Положил в шайку, залил кипятком. Потом набрал в ковш холодной воды и плеснул на камни.

— О, уже лучше, — заметил Марат.

Шилов плеснул еще и еще. Волна горячего пара затопила помещение.

— А-а, — отозвался Марат, почувствовал, как лицо покрывается испариной, — на зубах что-то скрипит.

— Это сажа, — сказал Шилов, — он поддал еще раз и присел.

— Пар есть? — спросил он.

— Есть, есть, — задушенным голосом ответил Марат, горячий воздух перехватывал дыхание, — хорошо.

— И сказал он, что это хорошо, — добавил Шилов, подсел к Марату, закрывая уши. На носу его висела крупная капля.

— А что, башка-то болит до сих пор?

— Да.

— Ничего, сейчас пройдет, надо было похмелиться.

— Я не похмеляюсь.

— Ну и дурак.

— Сам дурак. У меня не от этого башка болит, а от угара. Говорил Гале, не закрывай вьюшку раньше времени, она все равно закрыла.

— Да, Галя — женщина упертая, чижолоя.

— Это оттого, что она до сих пор не замужем, — сказал Марат, — вот, женишься на ней, она проще станет и добрее.

Шилов что-то буркнул в ответ неразборчивое. Марат вопросительно посмотрел на Шилова. Капля, все еще свисала с носа, или это была уже другая капля. Подождав, пока она упадет, Марат спросил:

— Или ты думаешь, что обойдется?

— Вполне возможно, — бодро сказал Шилов, — ты вот на всех своих любовницах женился, они что добрее становились? То, что ты сейчас не женат, говорит само за себя.

— Понимаешь, дело в том, что я женился на них слишком рано, чтобы они могли оценить мой поступок, или слишком поздно, исполняя, так сказать моральное обязательство. Жениться надо вовремя.

— Ну, тогда я припоздал.

— А Бога ты не боишься? — лениво спросил Марат. — Дело ведь не в том, что ты на ней не женишься, а в том, что ты ей не оставляешь шансов выйти за другого. Ей же не двадцать лет, и даже не

тридцать. Нехорошо это.

— Ах, мон дье, Марат Иванович, — задумчиво сказал Шилов, — кто вообще может знать, что хорошо и что плохо в этом мире. Ну, допустим, расстался б я с Галей, вышла бы она замуж за какого-нибудь подлеца и была бы несчастна, глядишь, уже развелась бы к этому времени, осталась бы с дитем на руках. А со мной ей хорошо, и мне с ней хорошо. Я, лично, считаю, что мне ее Бог послал.

— Интересно бы узнать еще ее мнение, — сказал Марат.

— Пошли, отдохнем, — предложил Шилов.

Облились водой и перешли в предбанник.

— На каких только шалавах я не женился, — задумчиво сказал Марат, — знаешь, как сказал Иосиф Бродский: «Привет тебе Тиберий, две тыщи лет назад, ты тоже, как и я женатым был на бляди».

— Как голова? — спросил Шилов.

— Кровь стучит в висках, — ответил Марат.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», — невпопад отозвался цитатой Александр.

Со всех щелей предбанника, а особенно от двери тянуло дымным холодным воздухом, но пока это было приятно для разгоряченных мужчин.

— Кровь у тебя сейчас разойдется в сосудах, и боль пройдет, — сказал Шилов. — А я, Марат Иванович, по поводу твоих упреков вот что тебе

ответу. Ты — человек благородный и по отношению к женщинам ведешь себя благородно как с равными. И в этом твоя беда, потому что женщина в принципе не человек.

— Шилов, кажется, ты договорился.

— А я настаиваю на своих словах и берусь доказать.

— Ну, попробуй.

— Коварство женщин, ставшее нарицательным, объясняется тем, что она, в отличие от мужчины, в большей степени подвержена природным инстинктам, то есть, она в большей мере животное, чем человек. Любить она будет того, кто ей по душе, спать с тем, кто ее больше удовлетворяет, родит дитя от наиболее породистого, а уж замуж выйдет за того, кто это дитя лучше прокормит. И никакого коварства здесь нет. Это все природные инстинкты. И относиться к женщинам надо точно так, как они относятся к мужчинам. А ты с ними миндальничаешь. Правильно я говорю?

— Ну, это, смотря, какие женщины, — рассеянно сказал Марат, — пойдем похлещемся.

— Пойдем, — легко согласился Шилов.

За стол сели в пять часов. За окном было совершенно темно. Галино пророчество сбылось; мороз ослаб, но началась метель. Рассвирепевший

ветер снегом бился в окна, заставляя утонченную Веронику вздрагивать. На столе лежали три картофелины, добытые в подвале, сваренные в мундире, и банка консервированной морской капусты.

— Как кружит, как кружит, — заметил Шилов, вернувшийся из похода во двор. — Просто Чилингаров, какой-то — полярная романтика, зимовка на Южном полюсе.

— Почему на Южном? — спросила Вероника. — Или, может быть, Шилов, вы считаете, что там теплее, чем на Северном.

— Нет, о юная «язва», — ответил Шилов, — просто слово юг, мне милее, чем слово север.

Он зябко передернул плечами, потер руки и произнес:

— Ну, что, как говорил Чехов: «Надо нарочно долго гулять по осеннему саду, озябнуть, вернуться в дом, выпить большую рюмку водки и закусить укропным огурцом, потом погодить и выпить другую».

— Ну, Шилов, ты просто цитатник какой-то, — восхитилась Вероника, — Мао Дзе Дун.

— Сударыня, вы путаете причину и следствие. Мао Дзе Дун никого не цитировал, его цитировали, а мне до этого пока далеко.

— Ага, Шилов, вот ты и попался, — весело

воскликнула Вероника, — Мао Дзе Дун всю жизнь цитировал Сталина, однако выдавал за свое.

Тут Шилов обиделся не на шутку:

— Ты держала камень за пазухой, — сердито заявил он, — однако вернемся к нашим баранам, то бишь к водке.

— Водки у нас много, заметил Марат, — три бутылки, у нас еды не хватает катастрофически.

— Это почему же такое несоответствие?

— А не надо было расхваливать здешние места, охотничьи угодья. По твоим рассказам выходило, что зайцы у вас в огороде прыгают, а кабаны в сенах хрюкают.

— А я что, мне Галя пела, за что купил, за то продал.

— Я правду говорила, я не пела, — возмутилась Галя, — мой отец кабана в сарае застрелил, когда он туда забрался, а зайцы у нас всю жизнь капусту объедали в огороде.

— Да, а когда это было?

— Ну, когда, когда, — когда я здесь жила.

— Кабан то вкусный был? — спросил Шилов, вертя в руках банку с морской капустой.

— Саша, не трави душу, — попросила Вероника.

Шилов тяжело вздохнул, приладил к банке консервный нож и быстрыми движениями открыл ее.

— Кушать подано, садитесь жрать пожалуйста, — сказал он. Вышел в прихожую и вернулся с бутылкой водки. Поставил на середину стола.

— Что, Саша, пить будете? — с любопытством спросила Галя.

— Нет, будем смотреть на нее, любоваться, как в том анекдоте про Насреддина, который подошел к мангалу, на котором жарился шашлык, вынул из-за пазухи хлеб и стал есть его, вдыхая запах.

— Как, Марат Иванович, будем кушать капусту морскую, как морские кролики или же наплюем на приличия и свернем бошку этой бутылке?

— А что, брат Шилов, нам еще остается? — философски заметил Марат.

— И то, — поддержал Шилов, — жрать нечего, надо хотя бы выпить, как следует.

— Мне нравится, как они друг друга уговаривают, — обращаясь к Веронике, заметила Галя, — можно подумать, что им кто-то выпить не дает.

— Вот именно, — согласилась Вероника, — или они не выпьют, если не убедят себя в том, что выпить необходимо?

— Так-то, оно так, — сказал Шилов, — выпить мы все равно выпьем, но когда нет другого

выхода оно как-то спокойнее. Проблема выбора всегда смущала человечество. Выбора нет, и ты принимаешь жизнь такой, какая она есть. А когда ты делаешь выбор, ты потом изведешься от сознания того, что все могло бы быть по-другому. «Другой бы улицей прошел, тебя б не встретил, не нашел», — пропел он и решительной рукой, с хрустом свернул винтовую пробку на горлышке бутылки.

Пока он разливал в ребристые старинные стопки, Галя положила в тарелку каждому по картофелине и по ложке морской капусты.

— А себе? — спросил Шилов.

— А нету больше, — простодушно ответила Галя.

Марат, Шилов и Вероника одновременно положили свои картофелины в ее тарелку. Все засмеялись, а Шилов сказал:

— Как это благородно с нашей стороны, я прямо заплачу сейчас от избытка чувств.

Галя вернула картофелины на прежние места и сказала:

— Всем спасибо, но я есть не хочу, давно хотела начать худеть, а сейчас удобный случай; тем более что вы выпивать будете, вам закусывать надо.

— А мы, Галя, и без закуски можем, — бодро сказал Шилов и добавил, — я стою на берегу не могу поднять ногу, не ногу, а ногу, все равно

поднять не могу.

— Без закуски, Шилов, пьют только алкаши.

— Ну ладно, была бы честь предложена, — констатировал Шилов. Обращаясь к Веронике — вы принцесса, пить будете?

— Пожалуй, — согласилась Вероника.

— Говоря иначе, не могу обидеть вас отказом.

— Именно так.

— Королева, я восхищен, — рявкнул Шилов и налил в стопку, стоящую перед Вероникой. При этом Галя, предусмотрительно закрыла свою рюмку ладонью.

— Намек понял, — сказал ей Шилов и поднял свой лафитник.

— Разрешите, господа, мне первому сказать тост. Спасибо. — Хотя в этот момент никто не проронил ни слова. — Вы не возражаете, Марат Иванович, спасибо. Жизнь полна неожиданностей и в ней, конечно, много неприятностей случается. Вот машина, например, не завелась. Но, как говорится, нет, худа без добра. Или, в семье не без уroda, я, конечно, не себя имею ввиду. Давеча, намедни, надясь, когда я, находясь в почетной ссылке, я имею в виду лесозаготовки, вывел философскую формулу.

— Интересно, — сказал Марат, выпускник философского факультета.

— Нет, я, конечно, понимаю, как рискованно с

моей стороны талдычить о философии в присутствии дипломированного специалиста, аспиранта.

— Бывшего, — поправил Марат.

— Неважно, если бы не перестройка, ты был бы сейчас кандидатом наук, а то и доктором.

— Давайте выпьем за любовь, — предложила Вероника, прервав Шилова.

— Правильно, Вероника, — одобрительно сказала Галя, — пейте, хватит спорить.

— Во-первых, мы не спорим, а философствуем, — обиженно сказал Шилов. — Чтобы ты, Галя, необразованная селянка, знала, — вся древнегреческая философия, начиная Сократом и, кончая Аристотелем, рождалась за стаканом водки, то есть вина, во-вторых, тост за любовь несравненно выше тоста за философию, поэтому я даже не обижусь. А выпью стоя, как гусар.

Шилов поднялся, оттопырил локоть и выпил. Галя подождала, пока он закусит, а потом сказала:

— У меня, Шилов, между прочим, высшее образование, а у тебя кроме аттестата зрелости за душой ничего нет.

— Как это нет, а жизненный опыт, — возмутился Шилов, — подумаешь, высшее образование, у Сократа, например, тоже не было высшего образования.

— Шилов, не отвлекайся, — попросил

Марат, — ты говорил о философской формуле.

— Сейчас, сейчас, — спохватился Шилов, — сосредоточусь, ага, вот, значит... Сократ, опять же, утверждал, что вечно лишь то, что находится в движении.

— Это не совсем так, — поправил Марат, — Сократ сказал, что бессмертно то тело, что приводит в движение само себя, в отличие от тел, получающих толчок к жизни извне.

— М-м да, — произнес Шилов, — ну да, Бог с ним, спорить не буду, тем более с философом. Но я вывел зависимость печали от движения, говоря иначе, никакая тоска не властна над человеком, находящимся в движении. Покой обесмысливает человеческое существование, от него происходит тоска, хандра, сплин; человек начинает задумываться, как герой писателя Платонова, и все, пиши пропало. Его увольняют с работы. Вот, Галя, например, всегда жизнерадостна, а почему, а потому что она ажно на трех работах трудится, ей некогда задуматься о смысле существования.

— А ты, Шилов, тоже выделяешься легкостью бытия, хотя нигде не работаешь, — заметила Вероника.

— Как это я не работаю, — возмутился Шилов, — я ножи точу, разве ж это не работа.

— Ну, ты же не каждый день работаешь, — не унималась Вероника.

— Нет, не каждый, — согласился Шилов, — а только, когда деньги кончаются.

Галя хотела сказать Шилову о своей жизнерадостности, о том, что за ней стоит, хотела сказать что-то злое, но в этот момент увидела своего отца. Он стоял под крюком, на котором когда-то висели лосиные рога, и с которого его сняли прошлой зимой, после того, как он провисел два дня. Отец смотрел на Галю с тем жалобным выражением лица, которое она ненавидела в нем. Это выражение появилось у него после смерти матери. Шестидесятилетний мужчина превратился в растерянного ребенка, которого вдруг забыли на улице. Галины родители прожили долгую счастливую жизнь в любви и согласии; они так любили друг друга, что им даже не было дела до своей дочери. Галя рано поняла это; в интернате, в райцентре, куда ее отдали после шестого класса, но смирилась с этим уже в Москве, в институте. В родную деревню Галя уже не вернулась, сельское хозяйство России приходило в упадок. После смерти мамы, отец продержался полгода, и все полгода он смотрел на дочь с этим выражением страдания на лице, ежеминутно ожидая сочувствия, словно она сама не нуждалась в жалости. Кивнув ей, отец вышел из комнаты. Через открытую дверь Галя видела, как он что-то ищет в прихожей. Шилов ненадолго завладел ее вниманием, а когда

Галя вновь посмотрела в прихожую, отца уже не было.

— Давайте выпьем за родителей, — предложила Галя и пододвинула к Шилову свою рюмку, — чтобы были здоровы и живы, те, у кого они есть, и царствие небесное тем, у кого их уже нет.

Мужчины выпили, а женщины пригубили, после этого наступило молчание, которое нарушил протяжный волчий вой.

— Ничего себе, — сказала испуганная Вероника.

— Где-то, совсем рядом, — констатировала Галя.

— Пойти шамальнуть что ли? — предложил Шилов.

— Не надо, — остановил его Марат, — а то еще что-нибудь перебьешь.

— Обижаешь начальник, — сказал Шилов.

Вой повторился, но уже на более высокой ноте и длился дольше предыдущего.

— Это уже вызов, — произнес Марат.

— Нет, я все-таки шамальну, — сказал Шилов.

Схватив ружье, он вышел на крыльцо и выстрелил в воздух.

— Ни к чему это, Саша, — укорила его Галя.

— А пусть знают гады, как выть в нашем лесу.

— А это еще вопрос, кто в чьем лесу воет, —

заметила Вероника.

— Господа, кажется, среди нас шпион, — угрожающе сказал Шилов, — в наши стройные ряды затесалась пятая колонна.

— Сам дурак, — ответила Вероника, и показала Шилову язык.

Шилов обратился к Марату:

— Сэр, ваша дама оскорбила меня.

— А зачем ты ее шпионкой обозвал?

— А она за волков заступается.

— А может я из Гринпис, — сказала Вероника, — и еще лидер движения «Свободу морским котикам».

— Кому, кому свободу? — с улыбкой переспросила Галя.

— Морским котикам, — повторила Вероника.

— Это ты волкам скажешь, когда они глотать наши кости будут, — заявил Шилов, — а я предлагаю выпить...

— Типун тебе на язык, — перебила его Галя.

— ... Дык, я и выпить предлагаю блин, чтобы этого не случилось. А кто не выпьет, того волки съедят.

Марат разлил водку по рюмкам. Мужчины выпили, а женщины пить не стали. Принципиально. «Чему быть, тому не миновать, — философски заметила Галя».

После этих слов Вероника все-таки

отхлебнула из рюмки, но закусывать не стала, — и в этом поступке было что-то героическое, то чем славилась русские женщины. Жены декабристов.

— Между прочим, — сказала она, страдальчески морщась, — в восемнадцатом веке во Франции волк по прозвищу Зверь Геводан загрыз сто двадцать три человека, и король Луи был вынужден отправить войско на его поимку.

— Ты бы закусила, — сказала сердобольная Галя.

Вероника отрицательно качнула головой, — водки еще много, — пояснила она, — им закусывать нечем будет.

— Армянин что ли? — спросил Шилов.

— Кто армянин? — удивилась Вероника.

— Зверь.

— Почему армянин?

— Ну, ты же сама сказала — Зверь по фамилии Гедовян.

— Я сказала — Геводан, — сердито сказала Вероника, — не путай меня.

— Между прочим, — заметил Марат, — еще бывают волки-оборотни: с виду обыкновенный человек, но когда наступает полнолуние, он чувствует сильную головную боль, тесноту в груди, жжение кожных покровов и превращается в волка.

— Сейчас как раз полнолуние, — отметила Галя.

— И, сегодня, кстати говоря, у кое-кого болела голова, — многозначительно добавила Вероника.

— У-у, — произнес Марат и оскалил зубы.

И словно, вторя ему, раздался волчий вой. Он также длился дольше прежнего и на более высокой ноте.

— Ужас какой-то, — сказала Вероника, — прямо мороз по коже дерет.

— Я даже протрезвел, — признался Шилов, — надо еще выпить.

— Хватит уже пить-то, — сказала Галя, — сколько можно, ведь с утра пьешь, повремени.

— Да потому что я человек русский и веселый, а веселие Руси есть питье, как заметил кто-то из великих. А что делать то еще, спать рано, сидеть глядеть друг на друга молча?

— Ну почему же молча, можно поговорить о чем-нибудь, рассказать.

— «Декамерон», — воскликнула Вероника, — надо устроить декамерон, пусть как у Боккаччо, каждый расскажет какую-нибудь историю.

— Декамерон — это в Италии, а у нас это будет, — Шилов задумался, но не найдя нужного слова, развел руками, — не знаю, как это будет. Десятирица что-ли. Я не против, но если вы помните, в «Декамероне» все истории были с известным подтекстом и часто весьма фривольным;

может у кого-то есть возражения. Пусть поднимет руку.

— Я же не предлагаю копировать Боккаччо, пусть каждый, кто хочет, расскажет какую-нибудь историю. Кто первый?

— Насчет первого есть анекдот, — сказал Шилов, — дело происходит в Хохляндии, на колхозном собрании председатель говорит: «А зараз будут дебаты». Колхозница тянет руку и говорит: «Можно мне першу, бо мене малы дити дома, и мене далеко ихати».

Засмеялся один Марат, женщины деликатно улыбнулись, а Вероника укоризненно сказала:

— Шилов, я просила не копировать Боккаччо.

— А кто предложил, тот пусть и начинает, — сказал Шилов.

— Это исключено, мне всего двадцать лет, у меня нет жизненного опыта, — отказалась Вероника.

— Галя? — спросил Шилов.

— Ой, из меня такой рассказчик, — замахала руками Галя, — сам рассказывай.

— А я чего, я двадцать лет на заводе, на станке отработал, могу, конечно, рассказать, как мы хохмили на профсоюзных собраниях, но поезд социализма зашел в тупик — это уже не смешно.

— Что это вы все так на меня смотрите, — спросил Марат, — может быть, у меня рога

выросли?

— Типун тебе на язык, — сказал Шилов. А Вероника клятвенно заверила, — никогда.

Шилов добавил:

— Марат Иванович, наперед батьки, сами знаете.

— Ну ладно, — сказал Марат, — уговорили, красноречивые, расскажу я вам одну занимательную историю. Деваться некуда, дрова в печи еще не выгорели, спать еще нельзя. В таком случае, налей-ка, брат Шилов, по полной.

Шилов торопливо исполнил пожелание. Марат взял в руки стопку и обвел взглядом горницу. У свечи был еще остаток, она была из дешевых, иногда чадила и потрескивала, озаряя желтым цветом лица сидящих за столом; темнота отступала от стола, сгущаясь по углам, багряным зловещим светом выделялась на белой стене раскаленная чугунная, печная дверца — над пламенем свечи еще был отчетливо виден причудливый табачный дым, от сигарет тлеющих в женских пальцах.

Медленно выпил водку, понюхал морскую капусту, поморщился и приступил к рассказу.

Рассказ Марата

И начал Некиса, луне внемля нечасто.
Он в струны ударял, он пел в размере раста.

Низами.

Потому что душа существует в теле
Жизнь будет лучше, чем мы хотели
Мы пирог свой зажарим на чистом сале
Ибо так вкуснее нам так сказали.

И. Бродский.

— Дело было на заре перестройки, кажется в девяностом году. Пришел барин и дал нам свободу, я имею в виду свободу экономическую. Мы с приятелем зарегистрировали кооператив с томным названием «Агат» и приступили к трудовой деятельности — купили списанный термопласт-автомат. Наладили его и стали штамповать зажимы для штор. Наняли двух членов профсоюза. Приятель мой по образованию был технарь, поэтому руководил производством, а я как специалист по научному коммунизму, занялся снабжением. И, видя ваши усмешки, должен заметить, что в то время это было самым трудным. Сырья не было в свободной продаже, биржи находились в зачаточном состоянии, складские

базы все еще верили в святость распределяемых министерствами фондов. Сейчас уже никто и не помнит, что это такое, а было это что-то вроде разнарядки на определенные виды сырья, закрепляемые главком за предприятиями, без этих самых фондов с тобой никто и разговаривать не хотел. Поэтому я искал тех, у кого эти пресловутые фонды были, но они не смогли их выбрать, договаривался с ними напрямую, вообще схема была сложная и запутанная. Рассказывать долго, опять же бартер был в ходу, условно говоря, я мог поменять машину кока-колы на машину полиэтиленовой крошки и так далее. Короче говоря, дикий капитализм. Как-то в поисках сырья я попал в город Новгород, не тот, что на Волге, а тот, что повыше. Сошел я с поезда ранним утром и как-то удивительно быстро устроил все свои дела; договорился, заплатил, загрузил машину и отправил ее в Москву. В одиннадцать утра я был, как «Пятачок», совершенно свободен. В кафетерии я выпил стакан какао, съел плюшку и отправился гулять по городу. Помню с какого-то моста, я увидел кремль, возвышавшийся над рекой. У подножия стен был пляж, забыл упомянуть, что дело было летом, который заполнялся людьми. Я перешел мост, побродил по территории кремля, — если бы я знал, что мне придется рассказать об этом, я бы дома подготовился, как следует, на

предмет его размеров, толщины стен и даты его перестройки, — но, увы.

Когда мне надоело пялиться на замшелые стены, я спустился к реке. Плавок, конечно, на мне не было, а солнце пригревало на славу; идти обратно в город и покупать плавки мне было лень, я стоял и расстраивался по этому поводу до тех пор, пока не вспомнил, что на мне трусы красного цвета...

— Как у тореадора? — спросил Шилов.

— Нет, как у пикадора, — ответил Марат.

— А какая между ними разница?

— Быка дразнит пикадор, а тореадор его убивает.

— Кого, пикадора?

— Нет быка, — Марат посмотрел на Шилова и добавил, — тореадор убивает быка, если, конечно, бык не убьет тореадора.

— Вопросов больше не имею, — сказал Шилов.

— Но у них, ни у кого нет красных трусов, — сказала Вероника, — я видела, они в штанах выступают.

— Не вмешивайся в мужской разговор, — строго произнес Шилов, — Марат знает, что говорит, у них красные трусы под штанами. Публике не видно, а бык насквозь видит.

...И стал раздеваться, пусть они думают, что

на мне что-то среднее, между плавками и спортивными трусами, некий вариант супрематизма. На меня, конечно, никто и внимания не обратил, хотя мои красные трусы были видны даже из космоса и, наверное, американский спутник-шпион сразу же передал мое изображение куда следует, но на международной обстановке это никак не отразилось. Правда одна дама бальзаковского возраста оценивающе смерила меня взглядом, но даже ее мои бледные тела оставили равнодушной. Я полез в реку. Вода оказалась жутко холодной на ощупь и неприятно ржавой на вид. Но это ничего не значило, кто-то из местных потом объяснил мне, что в Волхве живут какие-то микроорганизмы, из-за которых он и выглядит так неопрятно, а на самом деле, она была чистой. Потом я загорал до тех пор, пока на мне не высохли трусы. Потом пил пиво в открытом кафе под крепостной стеной, где неприятно шумела компания подвыпивших юнцов, потом долго гулял по городу, а вечером сел в поезд. Пусть извинят меня те, кто ждал рассказа о дорожном адюльтере, — в купе нас оказалось четверо мужчин. Билеты, простыни, чай в подстаканниках. Один из нас оказался человеком словоохотливым. Лишь только поезд тронулся, — он стал рассказывать о том, как он удачно продал мясо в Новгороде, о том, что сейчас едет в Москву, потому

что обещал купить дочери игровой компьютер «Денди». Он был из фермеров, этот словоохотливый человек, — мужчина лет тридцати, высокий, полный, круглолицый и очень жизнерадостный. Энергия в нем была через край. Говорил он один. Долго рассказывал о своем хозяйстве, о том, как он берет в колхозе телят на выкорм, потом сдает мясо в магазины, о том, как покупает лицензию на лов рыбы в реке, ставит сети. Пойманную рыбу коптит и продает оптом: о том, как он выстроил двухэтажный дом, о том, как он любит свою жену и дочь, которой покупает буквально все, что она пожелает, и как не любят его деревенские жители. «Мне коровник два раза поджигали, — сообщил он, — в первый раз я успел телят спасти, а во второй — нет, — сгорели».

— За что же вас так не любят? — спросил кто-то из нас.

— За то, что я не пью, и работаю с утра до вечера, а они наоборот. Я встаю в четыре утра, а ложусь в девять, вместе с дочкой. У меня на сберкнижке сейчас сорок тысяч лежит.

— Ну, вы всем то, об этом не рассказывайте, — посоветовал ему кто-то из нас.

Но он только добродушно улыбнулся. Я не вспомню сейчас, как его звали, но мы, возможно, и не знакомились. Это был русский человек и, казалось бы, что в этом странного, отмечать, что он

русский, находясь в Великом Новгороде; странным было то, что он говорил, как инородец, с сильным акцентом. Я не удержался и спросил его об этом.

— Так ведь я мусульманин, — просто ответил этот человек (давайте условно назовем его Петр).

— Как же вас угораздило? — спросил кто-то.

— В плену, что ли были, заставили? — спросил другой.

— Да не был я в плену, — ответил Петр, и рассказал нам следующую историю.

Рассказ Петра

В лад «раст» порой вводя прекрасный лад «ушшак»

Барбед пропел газель, она звучала так.

Низами.

Так что ты можешь идти без страха.

Ризы Христа иль чалмы Аллаха

... То есть одетый в любое платье Бог тебя примет в свое объятье.

И. Бродский

Сам я детдомовский. После школы закончил торговое училище. Год после училища проработал в универсаме, потом мне забрили лоб, и я оказался в армии. Служил в Узбекистане под Ташкентом, после армии там же и остался, ехать-то мне было некуда. Устроился в продуктовый магазин младшим продавцом, снял комнату поблизости и почувствовал себя человеком.

— В каком смысле? — спросил его тот, кто спрашивал про плен.

— В прямом, общечеловеческом. У меня появилось свое жилье, пусть даже наемное, не койка в общежитии или казарме, а отдельная комната и зарплата, из которой я платил за комнату двадцать пять рублей, а зарплата у меня была сто двадцать рублей. Не густо по нынешним временам, да и тогда было не густо, к тому же я платил за комнату, хотя мог жить в общежитии. Но меня может понять только такой же детдомовец, как и я. Зарплата, — не стипендия, не пенсия, не пособие, не подачки от государства, а заработанные деньги. Я работал в бакалейном отделе: соль, мука, сахар, мыло, спички. После работы мы шли в чайхану всем коллективом, кроме директора, разумеется. В магазине работали одни мужики, женщина была только одна — уборщица. Сидели в чайхане дотемна, потом по домам. Через год я влюбился. Она была моим постоянным покупателем, девушка

по имени Гульниса. Она была из местных, узбечка. Я никогда ее не обвешивал, с самого начала, еще до того, как понял, что влюбился. Я пригласил ее в кино, она так на меня посмотрела, что у меня язык отнялся. Понимаете, у них это не принято, кино-мино, домино — это только после того, как посватаешься к девушке. Две недели после этого она была строга со мной, ни разу не улыбнулась. Жора, мой напарник, армянин, посоветовал спросить, может у нее жених есть? Я набрался духу и спросил: «У тебя есть суженый?». «Нет», — ответила она ледяным тоном. Я посоветовался с ребятами. И они вызвались быть сватами. Директор на своей машине ребят подвез даже, хорошо ко мне относился. Отец девушки сказал им: «Раз вы за него ручаетесь, то у меня возражений нет, но есть одно условие: мой зять должен быть мусульманином». Ребята вернулись расстроенными, я же наоборот повеселел. Было бы хуже, если бы мне отказали по другой причине: безродный, мордой не вышел или беден. Но вопрос веры — это частное дело самого человека, он сам решает, что ему делать, класть поклоны или петь псалмы, или читать суры из Корана, или петь мантры. Мне понадобилось несколько дней, чтобы принять решение. Рассуждал я следующим образом: кто я такой, кто мои родители, какой они были веры? Ни на один из этих вопросов я не могу дать ответа. Моя мама могла

быть украинкой? Могла, а папа — татарин? Вполне, или евреем; а то, что у меня наружность русская — это еще ничего не значит, могли же меня в Рязани зачать, или в Костроме, или здесь, в Новгороде, не зря же меня в конечном итоге сюда потянуло. Короче говоря, я решил принять ислам. Ребята пробовали меня отговорить, говоря, мол, не стоит из-за девушки менять веру. Мало ли, что в жизни бывает, вдруг придется еще не раз жениться, что опять веру менять, но я был непреклонен. Пошел к мулле. Он заставил меня сказать «ля иллахи аллах», что по-арабски означает, — нет Бога, кроме Аллаха. Объявил меня мусульманином и отпустил на все четыре стороны, велев сделать обрезание...

Мы все трое ужаснулись и едва ли не в один голос спросили, неужели сделал?

— Сделал, — радостно сказал Петр, — могу показать.

— Не надо, — отказались мы, — и так верим. Кто-то с состраданием спросил:

— Больно было?

— Да нет, ерунда, чего там больно? Лезгин мне обрезание делал. Почему-то по этому делу специалисты — все лезгины. «Отвернись», говорит. Я отвернулся, он чик ножом, и нету.

— Лишнего то не отрезал? — морщась, спросил его другой.

Петр засмеялся и сказал, — нет.

— И что, отдали тебе девушку в жены.

— Отдали.

Дальше он стал рассказывать о том, как, узнав о постановлениях по развитию фермерского хозяйства, собрался в дорогу и таким образом оказался в Новгородской области. Мне это уже было неинтересно, и я заснул. Вот собственно и весь рассказ.

— Не густо, — снисходительно сказал Шилов.

— Пять, — восторженно сказала Вероника.

— Что, пять? — ревниво спросил Шилов.

— За рассказ пять, — пояснила Вероника.

— Подумаешь, пять, я сейчас расскажу на шесть.

— Таких оценок нет, — сказала Галя.

— Тогда на пять с плюсом, — настаивал Шилов.

— Вот расскажешь, тогда посмотрим, но это, увы, без меня, я уйду спать.

— Как спать, королева, я, понимаешь, весь вечер выражаю вам свое восхищение, а вы спать. Королева Вероника, так нельзя.

— Шилов, если хочешь сделать мне приятное, называй меня королева Елизавета.

— Почему?

— Она мне больше симпатична.

— Понимаю, королева-девственница, — ухмыльнулся Шилов.

— Понимай, как хочешь, — парировала Вероника, — но для общего развития запомни, что девственницей ее называли вовсе не потому, что она ею была, просто она не была замужем, и это автоматически делало ее девственницей.

— Я это запомню, — сказал Шилов.

— Ты лучше запиши, — посоветовала Вероника и встала из-за стола. — Галя, ты не идешь спать?

— Да рано еще, — ответила Галя, — посижу еще.

— Тогда всем спокойной ночи, — сказала Вероника и показала Марату язык.

В этот момент раздался волчий вой, более протяженный и более высокий.

— Совсем Гедовян распоясался, — сказал Веронике Шилов, но она, не ответив, скрылась за занавеской.

— Окружают, — обратился к Марату Шилов.

— Наливай, — посоветовал Марат.

— И то, — согласился Шилов и наполнил стопки.

В этот момент послышался новый вой, где-то рядом.

— Прямо таки продукты зря переводим, — пожаловался Шилов, — мы пьем, пьем, они воют и

воють, никакого кайфа, враз трезвеешь.

— Не расстраивайся, — успокоил его Марат, — водки у нас много, на всю зимовку хватит.

— Ну, давай, что ли выпьем за белое безмолвие, — предложил Шилов.

— Я бы не сказал, что белое такое уж безмолвное, но все равно выпьем, — с оговоркой согласился Марат.

Мужчины поднесли стопки к губам. В этот момент раздался стук в окно.

— О, Господи, — удивилась Галя, — кого это принесло в такую погоду?

— Может это оборотень, — предложил Шилов, застыв с рюмкой у рта.

— Пей, не останавливайся, — сказал Шилону Марат и медленно выпил; после этого повернулся и отдернул занавеску.

За окном стоял человек, весь засыпанный снегом; в крошечной тьме, царящей за окном, лица его было не разглядеть.

— Откройте, — крикнул он, — за мной гонятся волки.

— Спроси, кто он такой, — посоветовал Шилов.

— Кто вы? — спросил Марат.

— Охотник я, заблудился, откройте,

пожалуйста, здесь волки, прошу вас, откройте.

— Надо пустить его, — неуверенно сказала Галя.

— А если это оборотень? — повторил Шилов.

— Ты, что совсем сбрендил от своей водки, — спросила Галя и пошла к дверям.

Шилов, прихватив ружье, немедленно последовал за ней.

Когда они вышли, Марат подошел к своему «винчестеру», стоящему в ближайшем углу, вогнал в магазин три патрона, больше не успел и вернулся на свое место. Галя подошла к дверям и стала отодвигать засов. Шилов стоял сзади, светя фонариком. Когда неожиданный гость шумно ввалился в дом, Марат, взяв в руки, свечу, тоже вышел в прихожую, прибавив света.

Вошедший оказался мужчиной ниже среднего роста, круглолицым, с белесыми усами, на которых висели крошечные сосульки. Одет он был в пятнистую телогрейку военного образца, на плече его висело ружье, а за плечами тощий рюкзак, и, что больше всего поразило всех, на ногах у мужчины были резиновые болотные сапоги.

— Ну, ты блин даешь мужик, — сказал Шилов, — кто же в такой мороз, в резиновых сапогах ходит.

— Ничего не поделаешь, товарищ механик, — ответил человек.

Он скинул сапоги, сел на пол, морщась и растирая скрюченные ступни, в особенности пальцы, — бедность.

— Я не механик, — гордо сказал Шилов, — я бард.

— Ничего не поделаешь, товарищ бард, — сказал человек, — многодетный я, в теплых сапогах дети ходят мои, а я в резиновых, уже привык.

— Откуда вы взялись? — спросила Галя.

— Заблудился, — ответил человек, — метель началась, деревню проскочил.

— Какую деревню? — спросила Галя.

— N.

Шилов посмотрел на Галю, та подтверждая, кивнула головой, но сказала:

— В N давно уже никто не живет.

— У меня там, в одной избе уголок оборудован, дрова, сухой паек. Я бы и вас проскочил, хорошо стрелять начали, я на звук ломанул.

— А волки? — спросил Марат.

— Волки по пятам шли.

— А что же ты не стрелял?

— Патроны посеял, рюкзак прохудился, я ружье за ствол уже держал, как дубину, от волков отбиваться. У вас водки нет? Мне бы водки выпить, согреться, а то моя бутылка в ту же дырку провалилась.

После некоторого молчания Марат сказал:

— Водка у нас есть, у нас, приятель, еды нету.

— А еда у меня есть, — страдальчески ответил пришелец, и застонал, вытягивая ногу, — там, в рюкзаке лежит, подайте, пожалуйста.

Шилов бережно взял рюкзак за ремень и пододвинул его к незнакомцу. Охотник развязал мешок и вытащил из него освежеванную тушку.

— Это кто? — глумливо спросил Шилов, — нутрия?

— Обижаете, заяц чистокровный.

— Опять рагу, — вздохнул Шилов.

— Ладно тебе, — махнула на него рукой Галя, — лучше, чем с голоду умереть.

— У вас, кажется тоже не все в порядке? — спросил незнакомец.

— Это вы верно подметили, — согласился Марат, — у нас машина не заводится, и еда кончилась.

— Вас здесь трое? — спросил мужчина.

Вопрос почему-то Марату не понравился, он сказал:

— Кажется, вас отпустило, может водки?

Незнакомец кивнул и на четвереньках двинулся в комнату. Удивленные мужчины двинулись за ним и возле стола помогли ему сесть на стул. Галя поставила перед ним рюмку, но человек жалобно улыбнулся, и попросил:

— Если можно, побольше.

Шилов, хмыкнув, сказал:

— Вот это по-нашему, по-бразильски, — поставил перед ним граненый стакан и наполнил его до половины..

— Тебя, как звать-то, мужик? — спросил Шилов.

— Костин, — ответил человек, беря стакан обеими руками. Он осушил стакан, пожевал губами; лицо его приобрело какое-то вопросительное выражение, словно он прислушался к чему-то в самом себе, то есть стал похож в этот момент на дегустатора. После этого мелко откашлялся и сказал:

— Хорошо.

Шилов добавил:

— И сказал он, что это хорошо.

— Точно, — подтвердил Костин.

— Хорошо пьешь, дядя, — оценил Шилов.

— Спасибо, — сказал Костин.

— А звать-то тебя, как?

— Я к фамилии привычный, на работе все так зовут.

Он расстегнул и снял с себя телогрейку, оказавшись в замызганном свитере из растянутого горла, которого выглядывал ворот несвежей рубахи.

Шилов не стал настаивать. В комнату

заглянула Галя.

— Зайца пожарить, или рагу?

— Пожарить, — хором сказали Марат и Шилов.

Шилов вызвался помочь и пошел за Галей на кухню. Марат и Костин остались вдвоем. Марат пододвинул гостью свою тарелку с остатками капусты и сказал:

— Может закусите, чем Бог послал?

— После первой не закусываю, — молодецки ответил Костин. Однако, язык его слегка стал заплетаться. Марат правильно понял его слова и налил ему водки, но теперь уже в стопку.

— Пошло тепло, пошло, — сказал Костин, — начинаю согреваться.

Марат вежливо улыбнулся в ответ. На кухне Галя пробовала разрезать окаменевшего от мороза зайца.

— А ну-ка отойди, женщина, — грозно сказал Шилов, подступая к ней с топором.

— Смотри аккуратней, — предупредила Галя и отошла в сторону.

— Наш-то заяц был покрупней, — заметил Шилов и разрубил зайца на небольшие куски. Галя обмыла их холодной водой, отчего они тут же покрылись тонкой ледяной пленкой, уложила в чугунную сковороду и бросила шепотку соли, перца, и стала шарить на полке, говоря:

— Где-то здесь луковица оставалась.

Шилов извлек искомую луковицу из кармана, сказав:

— А я только ее сожрать собрался, дай, думаю, лучку обрадуюсь.

— Я те сожру, тоже мне Чипполино нашелся.

Галя очистила луковицу, нашинковала, бросила в чугунок, накрыла крышкой и отодвинула печную заслонку, открыв взору остывающую грудку угля, переливающуюся огнями в печном чреве.

— Может быть дровишек подбросить? — высказал предположение Шилов.

— Не надо, углей достаточно.

— Желательно бы поскорей, — проникновенным голосом сказал Шилов, — бо зело кушать хочется.

— Иди к столу, а то Марат один там. Не нравится мне этот мужик.

— Да ладно, не волнуйся, обыкновенный охотник, заблудился. Ладно, иду, — согласился Шилов.

Он вернулся к столу и почувствовал царящую за ним неловкость, какая возникает при появлении чужака в компании хорошо знакомых людей. Чтобы снять ее, Шилов ударил в ладоши и сказал:

— Ну-с, господа, предлагаю тост за спасение товарища Костина, который в свою очередь спас от голодной смерти нас.

После того, как выпили, Шилов крикнул:

— Милая, открой крышку. Нам надо занюхать, — и добавил, обращаясь к собеседникам, — как Насреддину.

Галя, видимо, приняла слова Шилова за чистую монету, так как, до обоняния мужчин вдруг явно донесся густой и ароматный мясной дух. Вскоре появилась и сама Галя, неся в руках кипящий чайник.

— Чайковский — это хорошо, — мечтательно произнес Костин.

Галя налила ему чаю и как бы невзначай спросила:

— Давно вы в наших краях охотитесь? Что-то я раньше вас не встречала, я ведь местная?

— У меня, знаете ли, давняя традиция, — начал Костин, — я свой отпуск разбиваю всегда на две части; половину зимой гуляю, половину летом, — а принцип такой, намечаю себе маршрут, потом доезжаю до определенной железнодорожной станции, скорее даже до полустанка без названия и оттуда иду пешком через лес к намеченной цели. С собой беру неприкосновенный запас, — пачку сухарей, банку консервов, которые, как правило, приношу домой не тронутыми, а питаюсь только тем, что добуду охотой или рыбалкой, сплю в спальном мешке или, если повезет, в таких заброшенных деревнях, как N. Я был в ней летом,

сделал в одной избе перевалочный пункт, однако сейчас заблудился, к вам попал.

— Странное у вас увлечение, — сказал Марат, — охотиться одному, идти через незнакомый лес, какая радость в такой охоте. Это несвойственно русскому человеку;

— Да, — поддержал Шилов, — а как же традиции национальной охоты, — выпить, потрепаться?

— Как же вы ночуете в лесу, не страшно? — спросила Галя.

— Страх — это атавизм, — ответил Костин, — надо избавляться от пещерного человека в себе. Я люблю целомудренную природу, девственные леса. Мой любимый писатель Джеймс Кервуд, знаете такого?

— Знаем, знаем, — сказал Шилов, — про медведя с собакой.

— Точно, — обрадовался Костин, — этот роман называется «Бродяги Севера».

После недолгой паузы он спросил смущаясь.

— Где тут у вас туалет?

— За домом, — объяснила Галя, — выйдете и направо за забор.

Костин поднялся и сказав:

— Я щас, — вышел из комнаты.

— Интересно, как там наш зайчик? — задумчиво произнес Шилов.

— Зайчик не наш, а его, — поправила Галя.

— Пусть Марат рассудит, — потребовал Шилов.

— Когда я жил в коммуналке, — сказал Марат, — у меня долго не было холодильника. Деньги-то у меня были на холодильник, но. Во-первых, холодильников не было в магазинах, вернее они были, и продавались по талонам, а во-вторых, в моей комнате было всего десять квадратных метров, а места общего пользования в квартире, я имею в виду не туалет, куда пошел наш гость, а кухню, коридор, все уже были заставлены. Так вот, я свое пиво клал в холодильник к соседке, а ее мужик частенько его выпивал, а когда я пытался ему объяснить, что это мое пиво, он мне говорил: «Знаешь, Марат, пиво-то может и твое, но холодильник-то мой».

— Как хотите, но в этом есть логика, — сказал Шилов.

Хлопнула входная дверь, послышался топот в сенях. Вошедший охотник сбивал снег с сапог.

— Как крутит, как крутит, — сказал он, входя в комнату, — ветер, да еще мороз. А у вас машина я смотрю новенькая.

— Машина новенькая, — ответил Марат, — мать ее! Только она не заводится, аккумулятор сел.

— Зайцем пахнет, — плотоядно сказал Костин.

— Правильней будет сказать, — что пахнет зайчатиной.

Марат смерил взглядом приبلудного охотника, и задержался на его спортивных штанах из дешевой бумазейной ткани, пузырившихся на коленях. Марат вдруг вспомнил, как в школе, на уроках физкультуры, он носил точно такое же трико, жутко стесняясь при этом, потому что все остальные, исключая одного детдомовского мальчика, были одеты в спортивные синтетические костюмы, облегаящие тело.

— Как-то вы легко одеты для зимней охоты, — произнес Марат.

Костин, сердечно улыбаясь, развел руками.

— Ну, уж как есть.

Шилов, словно подыгрывая Марату, заметил:

— Что-то волки перестали выть.

Это замечание вдруг тяжело повисло в воздухе, не вызвав ни у кого улыбки, и Шилов желая исправить оплошность, добавил:

— Знаете, анекдот про Насреддина, как он пришел на свадьбу в старом платье, и его не пустили. Он пошел домой, надел лучший свой халат и когда вернулся, его усадили на почетное место. Когда перед ним поставили плов. Насреддин стал тыкать в блюдо рукав своего халата, приговаривая, — кушай халат, кушай.

Вызвав смех, довольный Шилов, продолжил:

— До того, как вы здесь появились, товарищ Костин, у нас здесь происходил конкурс рассказчиков, навроде Декамерона; слышали о таком произведении.

— Ну, как же, — ослабился охотник, — «Декамерон», — это единственное, что я признаю в литературе кроме Стругацких, там же все друг другу изменяют; особенно я запомнил, как жена заставила мужа залезть в бочку чистить ее изнутри, а в это время любовник пристроился к ней сзади и тово.

— А как же Кервуд? — напомнил Шилов.

— Ну, не считая Кервуда конечно. Но Стругацкие, — это вообще вещь — единственное стоящее в русской литературе, а вообще я председатель партии «стругацкистов».

— Есть такая партия? — удивился Марат.

— Есть.

— И много членов?

— Пока я один, хотите, вас запишу? — предложил Костин.

Все единодушно отказались.

— Декамерон — не потому что там все тово, — неприязненно сказал Марат, — а потому, что они все время рассказывают. До того, как вы здесь появились, я рассказывал историю о том, как христианин ради девушки принял ислам.

— Да ты что, ради бабы стал чучмеком?

— Именно, — подтвердил Шилов, — но насчет чучмеков, я бы предостерег. Марат может вспылить, потому что он по прадедушке, — даже страшно сказать, чеченец, да и во мне есть изрядная толика татарской крови. Да и вообще, Россия течет через Кызыл-Орду. В каждом есть мусульманин.

— Во мне нету ничего мусульманского, — категорично заявил Костин.

— А если в русском нет мусульманина, то значит, в нем дремлет чухонец, что еще хуже.

— А что такого ты в себе чувствуешь мусульманского? — хитро спросил Костин.

— Как, что, — возмутился Шилов, — а гарем, какой русский не любит гарем? Кто от него откажется?

— Прежде чем получить гарем, ты должен будешь сделать обрезание, — заявил Костин.

— Ну и что, евреев тоже обрезают, посмотри, они весь мир заполонили, а потом, там не все обрезают, а только часть. Кстати анекдот в масть: женщина переспала с евреем, а утром говорит: «Я, конечно, слышала, что их обрезают, но чтобы настолько».

Пунцовая Галя поднялась, пошла на кухню, и оттуда через некоторое время крикнула.

— Кажется готово, будите Веронику.

Шилов посмотрел на Марата, тот пожал плечами. Шилов сказал:

— Может, не будем будить Веронику, пусть спит девственница, а то зайчонок маленький, на всех не хватит.

Марат сказал:

— Александр, это уже лишнее.

Шилов сделал умиротворяющий жест, но в этот момент занавеска, отделяющая спальню, где спала девушка, колыхнулась, и оттуда выступила Вероника.

— А вот и королева — девственница, — рискуя получить по шее, произнес Шилов.

— Здравствуйте, — сказала Вероника.

— Познакомься Вероника, у нас гость, ночной, правда, — сказал Марат.

Костин поднялся, кивнул и сказал:

— Костин. Ночной гость.

— Очень приятно, надеюсь, что словосочетание «ночной гость» окажется лучше слов — ночной горшок.

Марат удивленно посмотрел на девушку, подобная грубость была ей несвойственна. Но Костин видимо совсем не обиделся, закатившись смехом, правда, не очень искренним. Он сказал: «Конечно, окажется лучше».

Шилов сказал:

— Я, конечно, рискую получить по шее, но всякий раз, когда вижу Веронику, входящую в комнату, у меня захватывает дыхание, словно вижу

Афродиту, выходящую из морской пены.

Марат попытался нахмуриться, но не выдержал и засмеялся, потому что все было точно так, как фантазировал Шилов; он поднялся с лежака, чтобы окунуться в море. В этот момент он увидел Веронику, идущую по пирсу, на котором он загорал. Ощущение было такое, словно во временной колоде вдруг рассыпались карты, и древняя богиня, настолько древняя, что о ней не осталось даже красивого мифа, вдруг выдвинулась и пошла на Марата, который стоял, словно превратившись в соляной столб, не в силах оторвать взгляда от ее красивого лица, а в следующий миг от ее совершенно возмутительного бюста, вызывающе покачивающегося перед глазами Марата. Девушка подошла к краю пирса и бросилась в воду. День был солнечным и ветреным, море было беспокойно; выждав несколько минут, Марат последовал за ней, но, сколько не пытался, так и не смог разглядеть среди волн ее русоволосую, коротко остриженную голову. Поплавав немного, он вернулся на свое место. Прошло полчаса, девушка все не возвращалась. Обеспокоенный Марат направился к месту, где загорала девушка, там лежала ее подруга. Марат проговаривал в уме фразу, когда увидел богиню, возвращавшуюся с противоположной стороны

пирса. Марат вернулся к своей лежанке и углубился в книгу. Через несколько времени, он услышал слова, обращенные к нему: «Вы рискуете сгореть». Подняв глаза, Марат вновь увидел проходящую мимо богиню, чей лиф вот вот готов был разорваться от давления мраморной плоти. Марат поднялся и пошел рядом, с досадой отмечая, что красавица на несколько миллиметров выше его. «Вы прекрасно плаваете, — говорил он, — я пытался следить за вами, но ничего не вышло, я потерял вас из виду, вас так долго не было, что я забеспокоился и даже пошел к вашей подруге; право не знаю, что бы я ей сказал. — Я хорошо плаваю, но все равно спасибо, приятно, когда незнакомый человек проявляет заботу о тебе, а кремом все-таки мажьтесь чаще, у вас незагорелая кожа».

Девушка остановилась у края пирса, присела на своих длинных ногах, отвела руки назад и вопросительно посмотрела на Марата.

— Вы заговорили со мной по-русски, как вы догадались, что я из России?

— Ваш пакет, — сказала Вероника и бросилась в зеленую воду.

Марат вернулся к лежаку и разочарованно посмотрел на полиэтиленовый сумку-пакет, в котором он таскал на пляж полотенце и прочие купальные принадлежности, — на пакете было

написано «MOSKOW DUTY FREE».

Появилась Галя, она шла, бережно держа в руках обернутый тряпкой сковороду.

— Саша, подставку, — крикнула она. Шилов вскочил и пододвинул к краю стола алюминиевую подставку. Галя водрузила на нее посудину и сняла крышку; жир все еще продолжал скворчать, распространяя аппетитный запах.

Шилов подставил свою тарелку, но Галя сначала положила Костину, а затем всем остальным.

Ели, нахваливая дичь, затем выпили за охотника.

— А я зайчатину не люблю, — сказал Костин, — стрелять — люблю.

Шилов не упустил момента:

— Гиви, ты зайцев любишь? Кушать люблю, а так нет.

Взрыв смеха прервал волчий вой, сначала одиночный, затем к нему присоединились еще две волчих глотки. Наступившее молчание нарушил Марат, сказав, обращаясь к охотнику:

— Негодуют, что вы ускользнули от них.

А Шилов добавил:

— Сожалеют бедолаги, что голодные остались, что не скушали тебя.

— Меня трудно скушать, — улыбнулся

Костин, — я сам кого хочешь, скушаю.

В этих словах Марату почудилась угроза, он посмотрел на Костина, но тот добродушно улыбался, — жиденькие белобрысые усы на круглом лице делали его похожим на кота.

— Так на чем мы остановились, — спросил Марат, — в смысле Декамерона, кто следующий?

— Я, — вызвался Шилов, — моя очередь, прошу освежить стопарики.

Марат выполнил просьбу, чокнулись, выпили и приготовились слушать.

Рассказ Шилова

Моля о милости, исполнены печали,
На исфаханский лад слова певца звучали.

Низами.

Только человек, в отличие от животных.
Уйти, способен от того, что любит.
(чтоб только отличиться от животных)
Но, как слюна собачья, выдают
Его животную природу — слезы.

И. Бродский.